

Здесь начинался великий писатель...

Дни М. Горького в Грузии

В Грузии начались дни Горького, посвященные 90-летию опубликования рассказа «Макар Чудра». Пожелтевшие от времени страницы газеты «Кавказ» от 12 сентября 1892 года, где впервые был напечатан рассказ неизвестного тогда юноши Алексея Пешкова, сегодня — дорогая реликвия, свидетельствующая о рождении в Грузии как писателя, будущего основоположника социалистического реализма Максима Горького. И сам «буревестник революции» никогда не забывал о том, что Грузия стала его литературной родиной.

В Тбилиси прибыла большая группа известных советских ученых — горьковедов, писателей, которые примут участие в работе научной конференции, посвященной знаменательной дате, познакомятся с мемориальными местами «очаровательного края», побывают в местах, связанных с именами великих сынов России — Пушкина и Лермонтова, Толстого и Чайковского, Чехова и Есенина и, конечно же, Горького, шаг и дыхание которого помнят старые извилистые улочки Тбилиси, города, где, по словам Николая Тихонова, «смотришь, как с горы», и где рождается сердечное до предела чувство...

Нашему городу представительница многонациональной советской литературы и науки еще и еще раз выражают в эти дни благодарность, выражало ее всей земле грузинской, ставшей «парнасом» для многих лучших

сынов России, увековечивших в прекрасных творениях поэтические послания любви и братства к грузинскому народу.

ГрузИНФОРМ предоставляет слово старшему научному сотруднику Института истории грузинской литературы имени Шота Руставели Б. Пирадову, который рассказывает читателям о рождении «Макара Чудры».

...Это было ровно девяносто лет назад. На город пали сумерки. Величаво вздымалась над его улицами и переулками задумчивая Мтацминда. В окнах домов загорались теплые приветливые огни. Все реже встречались прохожие, где-то укрылись усталые извозчики со своими фаэтонами. Зажглись лампы и в большом двухэтажном доме, что стоял на Елизаветинской улице, окруженный тенистым садом.

В нижнем этаже этого многолюдного дома, похожего чем-то на двухдубный пароход, квартиру из двух комнат занимал скромный служащий управления Закавказской железной дороги Александр Мефодиевич Каложный. Вскоре после того, как жена и дети Каложного выехали на дачу, в одной из комнат поселился высокий голубоглазый молодой человек, тяжело топавший ботинками в грубые сапоги ногами, одетый в темную рабочую носоворотку. По его внешнему виду все решали — очевидно, рабочий. Парень этот вел себя подозрительно. Приходил позд-

но, носил под мышкой книги, сидел по ночам перед окном, на котором горела лампа.

Подозрения еще более усилились после того, как во двор вкатился кругленький господин в котелке, в темных очках. Его невыразительное лицо из-за бесцветных усов делалось похожим на сотни других. Господин поинтересовался, кто поселился у Каложного, как его имя, где служит, с кем встречается...

Ответы соседей, видимо, не удовлетворили его. Однако там, где служил господин в котелке, знали о Каложном и его жильце много. Было известно, что Александр Каложный родился в Харькове, что будучи студентом университета был арестован и согласно решению военно-окружного суда был признан «виновным в составлении заговора с умыслом ниспровергнуть существующий строй». После отбытия срока наказания Каложному было разрешено поселиться в Тбилиси, где он в 1890 году был зачислен на должность делопроизводителя службы сборов управления железных дорог.

Выйснули жандармы, что поселившийся у Каложного человек — нижегородский мастер малярного цеха, работающий табельщиком в главных железнодорожных мастерских, неоднократно замечался в общении с подозрительными лицами из числа рабочих, учащихся местных учебных заве-

дений и некоторыми интеллигентами.

Но и не знали жандармы многого. Не знали они, что исключительная честность, правдивость, внимательность к людям, обширные познания в области истории, литературы, искусства и философии привлекли к Каложному особые симпатии всех близко знавших его. Не знали они и того, что нижегородский мастеровой, прославившись через несколько лет на всю страну, пронесет в своем сердце светлый образ Александра Мефодиевича Каложного и всегда будет называть его проникновенными словами: «старый друг, милый учитель мой», и навсегда запомнит взгляд его прекрасных темнокарих глаз, проникающих в самое сердце...

В тот тихий сентябрьский вечер почти никто в этом большом доме, где жил Каложный, не думал о юноше с руками рабочего и взглядом мыслителя. А он, пристроившись у окна, сидел за маленьким ломберным столиком на тонких гнутых ножках и писал на плотной, в линию, бумаге. Круглые, как колесики, буквы катились по срочкам. Перед взглядом Алеши Пешкова возникали с удивительной яркостью, с фотографической точностью, сохраненные его поразительной памятью видения. Он многое видел, этот юноша. Позади остались трудные годы безрадостного детства, тяжелый подневольный труд посуд-

ника на пароходе, терщина красок в иконописной мастерской, мальчика на побегушках, булочника, мойщика сутылок, садовника; зуботычины и затрешины, которыми его щедро одаряла немилостивая судьба. Он рано понял, что любую работу можно делать с такой же радостью, как петь или слагать стихи. Все новые испытания ложились на его плечи, ему мучительно хотелось уйти от «мерзостей этой тусклой жизни», и он уходил в длительные странствия по городам Поволжья, по Донским и Днепровским степям, по Крыму, стремясь на воспетый всеми поэтами Кавказ...

Перед его мысленным взором вставали удивительные люди, встречавшиеся на дорогах страны, вспоминались их поразившие воображение судьбы. Расцветившие неистощимой фантазией Алеши Пешкова, люди эти преобразались в красивых и гордых людей, надежных пламенными страстями, смелыми мечтами о свободе, волшебной силой бесстрашных борцов за свои устремления. В каждом нищем, в жалком бродяге, в любом труженике Пешков видел человека.

Задумывался Алеша и вновь склонялся над недописанной страницей. Катились по строчкам круглые буквы: «С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов...».

Дальше писалось легче и

легче. Быстрее бежало по бумаге перо. Возникали, как живые, образы старого мудрого цыгана Макара Чудры, будто слышался его хриплый, но в то же время певучий голос, рассказывавший старинную быль о молодом смелом цыгане Лойко Зобаре и гордой красавице Радде. Любовь к свободе была для них сильнее, чем любовь друг к другу...

Перестал звучать голос старого цыгана. Дописав еще несколько строк, Алеша Пешков отложил перо, устало откинулся на скрипучую спинку венского стула. За окном брезжило утро. Поднималось золотое солнце, выглядывая из-за Мухоморской горы. Неслышно отворилась дверь. Вошел Каложный, ласково положил руки на плечи юноши.

— Что, Алеша, опять писал всю ночь? — спросил он своим мягким, бархатным голосом.

— Да, Александр Мефодиевич, но на этот раз, кажется, получилось...

Каложный внимательно прислушивался к музыке слов.

— Это чудесно! — восклицал он. — Это надо напечатать! Слушайте, завтра женесите ваш рассказ Цветницкому. Он поможет.

С рукописью, свернутой в трубочку, Алексей Пешков стоял на Эриванской площади перед зданием, где помещалась редакция. Он решительно поднялся на второй этаж, разыскал Владимира Дмитриевича Цветницкого. Пешков знал его хорошо, встречаясь с ним в кружке русских революционеров-народников, проживавших в Тбилиси после долгих лет тюрьмы и сылок и состоявших под наблюдением полиции. Он знал, что учитель русской словесности Цветницкий сотрудни-

чал в газете, подрабатывая корректурой.

Бегло просмотрев рукопись, Цветницкий уверенно заявил: — Это шедевр! Я уговорю редактора. Но вы не подписались, Пешков!

Юноша задумался. Затем, положив рукопись на угол стола, решительно вывел: «Максим Горький».

— Вы будете писателем, — уверял его Цветницкий. И сразу вспомнился Алексею Пешкову его другой близкий знакомый, горячо стремившийся пробудить в нем веру в свои возможности художника, — Эгнате Ниношвили: как впоследствии вспоминал о нем Горький, «худой и слабый физически, но сильный своим творчеством» замечательный грузинский писатель-реалист и пламенный революционер. Ниношвили твердо верил, слушая рассказы молодого Горького, что придет время, и он «непременно скажет новое слово и проложит новый путь», верил в то, что у него будет «много своих читателей, которые полюбят его».

12 сентября 1892 года вышел очередной 242-й номер газеты «Кавказ». На третьей полосе был напечатан «Макар Чудра», под рассказом стояла подпись — Максим Горький.

Каждый, кто прочитал этот рассказ, понял: родился настоящий писатель. Язык и форма рассказа были совершенны, у автора звенела новая, его личная тема, играли всеми красками найденные им художественные образы, звучали одному ему присущие интонации. Молодой писатель воспевал человека, его нравственные возможности и силы, которым может покориться история, которые сокрушат все темное и злое.

(ГрузИНФОРМ)